

СЛОВЕСНАЯ РЕЧЬ.

Загадочное дѣло, какимъ образомъ складывается и устанавливается языкъ: еслибы онъ данъ былъ отъ Бога человѣку готовый, какъ рыкъ, лай, мычанье звѣрямъ, какъ щебетъ и пѣнье птицамъ, то онъ оставался бы одинъ на всемъ земномъ шарѣ, и не могъ бы измѣняться. Стало быть Богъ далъ человѣку лишь тѣлесную способность и духовную потребность образованія языка, предоставивъ ему самому выработать этотъ богатый даръ, на столько, на сколько человѣкъ, или общество людей, по мѣрѣ своего умственного развитія, въ немъ нуждается.

По сей причинѣ языки, или словесная речь народовъ, далеко не одинаково полна, богата и ясна, а у каждаго народа она выработана, лишь по мѣрѣ его нужды. Вещи, которой у народа нѣтъ, о которой у

него даже нѣтъ понятія, онъ никакъ не называетъ; чего не знаешь, того не просишь, того не можетъ быть и на умѣ, и это одинаково относится какъ къ понятіямъ, такъ и къ жизни умственной и нравственной. Если дикарь не носитъ никакой одежды, то у него не можетъ быть названій фраку, жилеткѣ или шляпѣ; если онъ считаетъ только до восьми, или десяти, то у него нѣтъ и словъ для выраженія съ точностью тысячъ, сотенъ, десятковъ и единицъ. Если онъ живетъ лишь со дня на день, изъ кулака въ ротъ, какъ животное, то у него нѣтъ словъ, чтобы выразить: совѣсть, самотность, жертва, воздержанье и проч.

Но, по мѣрѣ расширенія духовной жизни человѣка и проясненія его понятій, онъ поневолѣ ищетъ и находитъ слова, для означенія этихъ понятій; по мѣрѣ нужды въ болѣе точномъ и ясномъ понятіи, онъ придумываетъ небольшія измѣненія въ словахъ и въ сочетаніи ихъ связною речью, и тогда начинаетъ устанавливаться грамматика языка, то есть, по первымъ

образцамъ такихъ попытокъ, складываются и другія речи, незамѣтно входятъ въ обычай и усвоятся языкомъ, въ видѣ правилъ. Дикарь, на бѣдномъ языкѣ своемъ, говоритъ: *я ходитъ лѣсъ*; это значить: я ходилъ въ лѣсъ, или я пойду въ лѣсъ, или я хочу идти въ лѣсъ, или мнѣ бы хотѣлось идти и пр. Различіе этихъ оборотовъ еще не выразилось речью, а понимается только смысломъ, по связи съ дѣломъ и обстоятельствами; но исподволь являются вставочныя слова, какъ — *былъ* и *буду*, также предлоги, измѣненія окончаній словъ, для болѣе точной и ясной передачи понятій, и языкъ тогда нравится и полнѣетъ, служа человѣку для взаимнаго сближенья и пониманья.

Все, что ни дано человѣку — то—есть духу его — все это дано Богомъ лишь въ зародышѣ, въ зачаткѣ, и онъ самъ обязанъ развивать исподволь дары эти: только животному дано умѣнье и знанье, какъ бы отрѣзаннымъ ломтемъ, разъ навсегда одно, чтѣ и называется побудкою. Животное не учится своему знанью; оно съ нимъ рождается

и при немъ умираеть: и старая, и молодая пчела строятъ дивныя соты свои одинаково, хотя молодой рой тотчасъ вылетаетъ изъ родительскаго улья, не успѣвъ даже наглядѣться на искусную работу отцевъ своихъ, и, нашедши новый, удобный для себя пріютъ, съ того же дня принимается общими силами за ту же работу, строя точнехонько такія же вѣрныя, шестигранныя ячейки, какія строили предки его за тысячи лѣтъ.

Если же словесная речь дана человѣку, какъ и всѣ вообще способности, не такъ, какъ дана животному побудка, а какъ цѣнный рудникъ, который онъ самъ долженъ разработать, то всѣ мы, по мѣрѣ силъ своихъ, должны быть участниками этого дѣла, и браться за него со смысломъ, сознательно, понимая, чего мы хотимъ.

Дошедшіе до насъ обрацики нашего древняго и стариннаго языка показываютъ, какъ ясно и точно умѣли выражаться прадеды наши на природномъ языкѣ своемъ. Въ сборникахъ, кои называютъ у насъ чужимъ именемъ, *христоматіями*,

можно видѣть, какъ писали у насъ: Владиміръ Мономахъ, Іоаннъ Грозный, и частные люди, какъ-то: Даніиль Заточникъ, князь Курбскій, Котошихинъ, Посошковъ и многіе другіе. Они не нуждались въ чужихъ языкахъ: речь ихъ складывалась сама собою, не отставая отъ умственной потребности, и высказывала все, чѣмъ полна была душа. Если иные писатели старины нашей говорили языкомъ тяжеловатымъ, такъ сказать, громоздкимъ, то это случилось отъ желанья ихъ подражать церковному языку, который не смотря на близкое сродство свое съ нашимъ, все-таки былъ не одинъ и тотъ же, а принесенъ, какъ извѣстно, переводчиками св. Евангелія изъ юго-западной Болгаріи.

Въ такомъ положеніи держался языкъ нашъ до Петра Великаго, то есть, онъ слѣдовалъ за общимъ ходомъ умственнаго развитія, и его про свой обиходъ доставало. Но языкъ можетъ держаться въ уровень съ потребностями лишь тогда, когда ему даютъ время исподволь развиваться: не по днямъ, а по часамъ, растутъ только въ

сказкахъ, а языкъ сполна походить на живое и разумное существо, которому, для роста и зрѣлости, нужны урочныя лѣта.

Пришла пора, когда великій умомъ и дѣлами Государь шагнулъ внезапно исполинскимъ шагомъ своимъ на цѣлый вѣкъ, а можетъ быть и на два, впередъ, и потянулъ всю Русь за собою. И вотъ она, будто въ одинъ день, стала почти въ уровень со всѣми остальными народами, кои дошли, каждый, до своей степени образованья, многими вѣками; отъ этого у насъ вышелъ разрывъ настоящаго съ прошедшимъ.

Три вѣка домашней неурядицы и татарщины, огромный просторъ, при жидкомъ населеніи, лишь постепенное обрусѣнне множества чудскихъ племенъ, сліяніе ихъ въ одинъ рускій народъ, и многія другія причины, осадили Русь нашу, противу остальной Европы, и она въ умственномъ образованіи своемъ отстала. Пойди она исподоволь своимъ ходомъ впередъ, какъ шла уже до Петра, — и языкъ ея не отсталъ бы отъ головы, речь

отъ разума, и народное образованье развивалось бы медленно, но равномерно, съ повольною подготовкою для сего, между прочимъ, и самага языка.

По сему Петръ I виновать въ томъ, что онъ не прожилъ и не процарствовалъ двухъ сотъ лѣтъ, что ему ждатель было некогда, а чужь въ себѣ мочь и силу стать въ уровень съ государствами, ушедшими далеко впередъ, онъ шагнулъ — и сталъ въ ихъ ряду. Судьбы Божіи неисповѣдимы: что было бы съ нами безъ Петра, этого никто сказать не можетъ, но очень вѣроятно, что Руси въ этомъ случаѣ и не удалось бы достигнуть мѣрнымъ шагомъ той точки, на коей она нынѣ стоитъ; пока солнце взойдетъ, а роса глаза выѣстъ. Можетъ быть, сила и единство нашего государства давно были бы сгублены внѣшними врагами, еслибы Петръ не взялъ государственнаго кормила въ свои желѣзныя руки и не направилъ бы его по пути угодному Провидѣнью!

Какъ бы то ни было, а Русь внезапно стала на новое поприще, шагнувъ цѣлымъ

вѣкомъ, или двумя, впередъ: знанія, искусства, науки, даже самые обычаи, жизнь и быть западныхъ народовъ — все это было сразу перенесено на Русь, и, волей-неволей, каждый долженъ былъ освоиться съ этимъ внезапнымъ переворотомъ.

Объ эту-то пору, не только люди, но и словесная речь ихъ (языкъ нашъ) были захвачены такимъ переворотомъ въ расплохъ. На всѣ эти новизны, новыя науки, знанія, понятія, на новый бытъ и обычаи не было словъ и ловкихъ, обошедшихся оборотовъ. Намъ всему надо было учиться вдругъ, брать науку и знанія приступомъ, на-ура; всему надо было учиться либо за границей, либо у вызванныхъ оттуда учителей, и, во всякомъ случаѣ, не на своемъ языкѣ, а на чужомъ. Первымъ условіемъ всякаго ученья было знаніе чужаго языка, чтенье книгъ на чужихъ языкахъ. Военныя и морскія науки, гражданское устройство — все это было разомъ взято и перенесено къ намъ, со всѣми именами и названьями своими. Петру некогда было заниматься переложеньемъ

табели о рангахъ на рускія званія и должности, а потому и явились, какъ будто изъ земли выросли: и гренадеры и фузелеры, реданты и штернишанцы, штаги и брасы, даже коллежскіе регистраторы, ассессоры, секретари, унтеръ- и оберъ- и штабъ-офицеры и проч.

Но, вмѣстѣ съ чужесловами всякаго рода, вошедшими этимъ путемъ въ средніе и высшіе слои общества, естественно явилась уже и самая склонность по вставкамъ чужой речи, и даже цѣлыхъ оборотов, въ свою: знанье языковъ, служившее въ началѣ только средствомъ къ образованью себя, вскорѣ обратилось въ конечную цѣль, какъ вывѣска отличія; тѣ, коимъ болѣе нечѣмъ было отличиться, старались примѣшивать какъ можно болѣе чужихъ реченій въ природный языкъ свой, и, къ стыду нашему, и по нынѣшній еще день, хотя и рѣдко, случается слышать во всенародныхъ мѣстахъ громкія французскія бесѣды, съ очевиднымъ намѣреньемъ бесѣдующихъ придать себѣ болѣе значенья.

Такой духъ, такое направленье конечно не могло способствовать тому, чтобы языкъ нашъ могъ вскорѣ оправиться отъ суроваго толчка, и догнать опередившее его поколѣнье: ты отъ дѣла на пядень, а ужъ оно отъ тебя на сажень. Дошедши до этой развилины, общество расходилось съ роднымъ языкомъ своимъ все болѣе и болѣе; при отцовскихъ обычаяхъ и языкѣ остался почти только одинъ простой народъ. Кто брилъ бороду и надѣвалъ короткое платье, тому была одна забота: хорошо говорить по французски. На бѣду съ равнодушіемъ къ родному языку, поселилось и небреженье ко всему родному: забвенье общественныхъ обязанностей своихъ и безучастность къ судьбѣ родины.

Въ такомъ положеніи принимали русскій языкъ по наслѣдству и писатели наши, и потому не мудрено, что большая часть ихъ пошла на ходуляхъ, стараясь напыщенностью наполнить то, чего не доставало. И что же имъ было дѣлать? Тогда не было, да даже нѣтъ еще и теперь,

выработаннаго, остоявшагося рускаго языка, довольнаго для всѣхъ и для всего. Люди свѣтскіе обратились на западъ: они уже выкормлены на французскомъ языкѣ, а рускаго, коли они могутъ объясниться съ прислугою, съ нихъ будетъ. Люди духовные выращены на необходимомъ для нихъ церковномъ языкѣ, и, чуждаясь обиходнаго языка, тянуть въ противную сторону; писатели наши образовали книжный языкъ, коимъ нигдѣ и никогда не говорятъ, коему надо учиться особо. Все сословіе чиновниковъ выработало себѣ свой, приказный языкъ, коимъ также говорить неудобно. Осталось среднее сословіе, состоящее изъ купечества, мѣщанства и крестьянства, числомъ несравненно бльшее, но по быту и жизни нѣсколько удаленое отъ первыхъ сословій — и эти-то сословія, такъ какъ они не приняли по обезьянству искаженной речи отъ первыхъ, остались еще въ сторонѣ, на прямомъ пути, и сохранили намъ языкъ нашъ. Вотъ въ чемъ мы убѣдились только въ самое послѣднее время, и, обратясь къ этому

забытому источнику, изумились неисчерпаемому богатству и силѣ его, силѣ живой, а не мертвой, или поддѣльной, каковъ языкъ книжный.

Болѣе десятка славянскихъ языковъ, въ числѣ коихъ главные – русскій, болгарскій, сербскій, чешскій и польскій, безспорно выродились изъ древняго индійскаго, какъ показываетъ крайнее сходство коренныхъ или начальныхъ словъ нашихъ. Какимъ образомъ славянскій языкъ взятъ оттуда, когда и какъ онъ разбился на разныя вѣтви, этого обстоятельства бытописанія наши не запомнятъ. Изъ числа этихъ языковъ, рускій взялъ перевѣсъ, разлился отъ Бѣлаго моря до Чернаго, отъ Балтійскаго до Восточнаго океана, приобщая себѣ постепенно и добровольно всѣ промежуточные, инородческія племена, кои всѣ видимо на глазахъ нашихъ русѣютъ. Всѣхъ связываютъ: одно правительство, одна вѣра, одна церковь и общая нужда объясняться другъ съ другомъ.

На всемъ этомъ необъятномъ просторѣ, люди понимаютъ другъ друга хорошо, хотя

и можно различить три наречія: *великорусское*, *малорусское* и *бѣлорусское*. Послѣднимъ говорятъ въ западныхъ губерніяхъ нашихъ: *Ковенской*, *Виленской*, *Гродненской*, *Витебской*, *Минской*, *Могилевской*, отчасти и въ *Смоленской*, даже на границахъ *Псковской* и *Тверской*. А на югѣ, частью въ *Волынской* и *Черниговской*, говорятъ вторымъ наречіемъ, молорусскимъ или украинскимъ; также точно въ *Черниговской*, *Полтавской*, *Харьковской*, *Кіевской*, частью въ *Воронежской* геберніи, въ большей части Новой-руси, въ губерніяхъ: *Херсонской*, *Екатеринославской*, *Таврической*, а съ небольшимъ измѣненіемъ также въ *Волынской* и *Подольской*; по всей остальной Руси, то есть на Великой-руси, говорятъ однимъ общимъ, и читателямъ коротко извѣстнымъ языкомъ.

Почему же мы называемъ украинскій и бѣлорусскій способы словеснаго выраженія *наречіями*, а свой, великорусскій — *языкомъ*? — Потому что послѣдній взялъ верхъ надъ первыми, сталъ общимъ

языкомъ во всемъ государствѣ, что у него своя обширная писменность, и что онъ живетъ самостоятельною, гражданскою жизнію. Нѣсколько книжекъ, написанныхъ, болѣе какъ будто для забавы, на миломъ, простодушномъ и тонкомъ въ острогахъ своихъ украинскомъ наречіи, не составляетъ еще писмѣности — и всѣ тамошніе писатели пишутъ языкомъ великорусскимъ. Была пора, когда Бѣлая-русь, составлявшая нѣкогда отдѣльное Литовское княжество, боролась съ Великою русью, даже брала верхъ надъ нею, особенно когда была за одно съ Польшею; была пора, когда Литва завоеваньями расширила предѣлы свои почти до Москвы; если бы дѣла остались въ этомъ видѣ, то, вѣроятно, нынѣ господствовало бы наречіе западное, бѣлорусское, а наше, великорусское, быть можетъ, называлось бы наречіемъ. Но Провиденье устроило это иначе: поляки, ослабивъ и разстроивъ Литву, такъ точно, какъ позже они ослабили и разстроили Украину, заслужили страшную ненависть

этихъ двухъ народовъ, и сами сдѣлались поводомъ къ тому, что Литва потерявъ завоеванное у насъ, соединилась съ нами, а Украина, ища защиты отъ Польши, сдѣлала позже то же самое.

Скажемъ мимоходомъ, что украинское и бѣлорусское наречія несравненно ближе къ рускому, чѣмъ къ польскому, и что народы эти, вопреки ложнымъ сказаніямъ поляковъ, никогда поляками не бывали, а всегда ненавидѣли ихъ, какъ своихъ притѣснителей.

И такъ, отдѣливъ Бѣлорусію и Украину съ Новоруссіею, поговоримъ о языкѣ рускомъ, или точнѣе великорускимъ, и притомъ о языкѣ народномъ. Убѣдившись, что нынѣшній нашъ писменный языкъ не свершенъ еще, даже не остоялся, что онъ бѣденъ, лишивъ самъ себя природнаго, живаго источника своего, языка народнаго, отъ коего онъ произвольно отдѣлился, что онъ даже чуждъ намъ, исполненный цѣлою тучей ввалившихся въ него чужеслововъ, и принявъ исподоволь множество иноязычныхъ оборотовъ речи, ему

несвойственныхъ – убѣдившись во всемъ этомъ, приходимъ къ весьма простому и неоспоримому заключенью, что, желая владѣть свободно родною речью своею, мы должны изучить ее въ языкѣ простонародномъ, гдѣ она сохранилась, хотя въ грубомъ видѣ своемъ, но въ неискаженной чистотѣ. Когда люди, умственно и нравственно образованные, усвоятъ себѣ этотъ языкъ, тогда они завладѣютъ живороднымъ источникомъ для русской речи, и тогда только наконецъ исподоволь создастся чистый и правый языкъ, сбереженный отъ невежественныхъ искаженій.

Но присемъ надо оговориться, чтобы не было недоразумѣній, чтобы не сдѣлали, на писавшаго это, поклепа: должно читать и изучать всѣхъ писателей нашихъ, кромѣ развѣ отъявленныхъ плохихъ и бездарныхъ – а ради языка, даже и большую часть этихъ – но должно читать ихъ не слѣпо, а стараясь повѣрять рускимъ ухомъ и чутьемъ вѣрность ихъ ручей и оборотовъ, перелагая ихъ иногда посвоему,

какъ бы передалъ ихъ простой человѣкъ, не знающій иныхъ языковъ, кромѣ своего; что же касается наводненья чуждыми языку, западными словами, то противъ этого каждый можетъ возставать безусловно, стараясь избѣгать такого дурнаго обычая. Конечно, замѣна ихъ рускими словами нынѣ гораздо труднѣе, чѣмъ спервоначала; никто не споритъ, что такое-то слово дурно, что его рускимъ поворотомъ языка и не вымолвишь, что его и понять нельзя, не зная того языка, съ котораго оно взято — но, будучи однажды принято, хотя бы и не многими только, оно трудно выживается, потому что большинство пишушихъ не хочетъ этимъ заняться; гораздо спокойнѣе и удобнѣе взять готовое слово изъ любаго иноземнаго словаря, чѣмъ искать его по всему лицу русской земли!

Первое, что насъ поражаетъ въ народномъ говорѣ, это ясность, краткость и простота, разумѣется откинувъ въ сторону пустую болтовню; лучшимъ примѣромъ этому могутъ служить пословицы и поговорки. Тутъ есть чему поучиться, и

едва ли кто придумаетъ хотя одинъ такой сильный и глубокий по значенію оборотъ речи, какой сотнями, если не тысячами, встрѣчается въ пословицахъ и поговоркахъ, коихъ, мимоходомъ сказать, собрано втрое болѣе, чѣмъ на какомъ либо иномъ языкѣ, до 33 тысячъ, и это еще далеко не всѣ.

Второе, это обиліе сыраго запаса словъ, коихъ мы болѣе половины не знаемъ, а жалуемся на недостатокъ ихъ.

Третье обстоятельство, о коемъ мы нѣсколько потолкуемъ, хотя вкратцѣ, вотъ какое: по всей Великой руси языкъ одинъ, и можно сказать, наречіе одно; нѣтъ тѣхъ безпрестанныхъ измѣненій по мѣстностямъ, кои встрѣчаются въ народномъ языкѣ Германіи, Италіи, Франціи, Англии; кромѣ развѣ петербургскаго уроженца, выросшаго на тамошнемъ полунѣмецкомъ языкѣ, всякій, знающій обиходный рускій языкъ, можетъ пройти съ нимъ, безъ малѣйшаго затрудненія, всю Русь, вдоль и поперекъ; онъ можетъ запнуться развѣ только на нѣмногихъ мѣстныхъ словахъ, относящихся

болѣ къ мѣстнымъ промысламъ или обычаямъ.

Но за симъ, всякій наблюдатель пораженъ будетъ различіемъ говора, произношенья, которое очень трудно передать на бумагѣ, а надо слышать его чуткимъ ухомъ въ живой бесѣдѣ. И вотъ къ чему ведено было слово наше; это мы разберемъ вкратцѣ, и тѣмъ кончимъ.

Главныхъ говоровъ на Руси четыре, и замѣчательно, что они расположены отъ Москвы, какъ сердца Руси, по четыремъ странамъ свѣта, и встарь образовали четыре отдѣльныя подмосковныя княжества; Москва же образуетъ какъ будто порогъ, общее распутье, вкругъ котораго эти четыре говора, встрѣчу другъ другу, скопились, и остановясь, дали намъ, при общемъ столкновеніи своемъ, пятый говоръ, московскій, средній между всѣми, и принятый, какъ господствующій и главный: это тотъ, коимъ всѣ мы говоримъ и пишемъ, если только не употребляемъ во зло общей, несчастной склонности нашей: грѣшить смѣшеньемъ языковъ.

Это четыре говора, на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ отъ Москвы: новгородскій, рязанскій, владимірскій и смоленскій.

Два говора изъ этихъ, сѣверный и восточный, зовутъ *низкими*, или *Ѡканьемъ*; два другіе, западный и южный, *высокими* или *Ѡканьемъ*. И такъ, главныхъ говора два, на *а* и на *о*.

Замѣтимъ, что къ *высокому* или *Ѡкающему* говору, то есть къ южному и къ западному, примыкаютъ польское и малорусское наречія, оба *Ѡкающія*.

Московскій говоръ признаѣтся за самый чистый и правильный — чѣмъ другая столица наша похвалиться не можетъ — и это языкъ писменный и речь образованаго рускаго общества. Здѣсь, между прочимъ, главная примѣта говоровъ, *а* и *о*, сглаживается, и не является въ рѣзкомъ видѣ, хотя смягченное, не слишкомъ звѣстое *а* господствуетъ. Если бы въ былое время великое княжество Московское не взяло верху и не соединило бы подъ собою всѣ удельныя княженья, то

вѣроятно нынѣ было бы болѣе розни въ говорѣ четырехъ концовъ Руси; а если бы одно изъ прочихъ княжествъ, Новгородъ, Суздаль, Рязань или Смоленскъ, стали главою государства, то и говоръ тотъ остался бы главнымъ, и былъ бы нынѣ признаваемъ за образцовый.

Уже въ самой Московской губерніи, встрѣчаемъ мы четыре главные говора: въ Клинѣ слышимъ новгородскій; въ Можайскѣ, смоленскій; въ Коломнѣ, рязанскій; въ Богородскѣ, владимірскій. Сѣверный говоръ идетъ далѣе, до береговъ Ледовитаго-моря; восточный, черезъ все пространство до Сибири и далѣе на всю Сибирь, до Восточнаго океана, сливаясь въ Вологодской, Вятской и Пермской съ сѣвернымъ говоромъ.

Въ сѣверномъ и восточномъ говорѣ господствуетъ *о*, и произносится всюду, гдѣ пишется, а въ южномъ и западномъ господствуетъ *а*; гласная *о*, слышна развѣ тогда, или тамъ только, гдѣ на нее падаетъ ударенье; восточный говоръ доходитъ въ этомъ до крайности: у него *о* самое густое и

полоротое; *а* слышно весьма рѣдко, и потому не только говорятъ: *воробей, голова, молодецъ*, ясно и звучно произнося *о*, гдѣ оно пишется, но даже: *бѣлого, стаканъ, Огрофена*, вмѣсто: *благ о, стаканъ, Аграфена*. Западный говоръ кидается въ другую крайность, не терпитъ *о*, произносить зѣвастое, широкое *а*, а гдѣ безъ *о* не можетъ обойтись, тамъ произносить его нѣмовато, какъ *уо*, или *ы*. Такъ слово *волкъ* звучитъ у нихъ: *вуокъ, вуыкъ, ваукъ*.

Кромѣ этого главнаго различія, есть много другихъ, о коихъ упомянемъ лишь вкратцѣ.

Сѣверный говоръ, хотя и не вездѣ, болѣе по Ладогѣ, говоритъ *и*, вмѣсто *ъ*, какъ въ Малой-Руси: *хлиба ниту, сина ниту, совсимъ беда*; гласная *е* нерѣдко остается такою, гдѣ мы произносимъ *ѣ*; новгородцы говорятъ: *ты ведешь*, а не *ведѣшь*; *онъ смѣется*, а не *смѣётся* и проч. Мѣстами на сѣверѣ замѣняютъ падежи одинъ другимъ: *ходить ногамъ, брать рукамъ; мы идемъ къ вами, дай корму*

лошадми; я былъ у сестръ, я пойду къ сестры; читать въ книгу, курить въ трубку.

Восточный говоръ: самое низкое, грубое, протяжное и полоротое *о*; гласная *е* чаще произносится *ё*; не говорятъ *и*, вмѣсто *ь*, ниже *у*, *ы*, *уо*, вмѣсто *о* (это встрѣчается только на Вяткѣ); часто оканчиваютъ глаголы въ третьемъ лицѣ на *ть*: онъ ходитъ, гуляетъ, тогда какъ у новгородцевъ слышно: *ё нъ хльди'*, а у рязанцевъ: *янъ гуляя*, или *гуляить*.

Западный говоръ ÷каетъ до приторности; растяжное, зѣворотое *а* придаетъ речи что то вялое и тупое; затѣмъ *дзекаютъ*, произносятся *дз*, *ц*, вмѣсто чистаго *д* и *т* *хадзецъ*, *брадзиць*; вмѣсто *е*, часто слышится *и* или *я*: *ни хачу*, *ня буду*; буква *г* произносится придыханьемъ, почти какъ нѣмецкое *h*, и проч.

Южный (рязанскій) говоръ также любить *а*, но не тянетъ его, посмоленски, а болѣе складываетъ, сближаясь съ московскимъ; гласную жь *о*, не отвергая ея, смягчаетъ, произнося, сравнительно съ

владимірскимъ *о*, ближе къ *а*; буква *г* слышится как нѣмецкая *h*, а въ концѣ прилагательныхъ (родит. пад.) не замѣняется буквою *в*, а остается; тамъ не говорятъ, какъ мы: *хорішева, моеві*, а говорятъ: *хорішаго, маягі*, точно такъ, какъ написано; глаголы въ 3 лицѣ кончаютъ мягко, на *ть*: *онъ смітрить, ходитъ*; а вмѣсто *ся*, говорятъ *си*: *смѣятьси, умыватьси* и проч.

Примѣтъ этихъ найдется еще гораздо болѣе, но мы взяли только нѣсколько главныхъ, чтобы познакомиться съ народнымъ языкомъ и поселить участіе и любовь къ нему, какъ къ дѣлу родному. Въ народномъ языкѣ находимъ мы все то, чего у насъ не достаетъ въ языкѣ писменомъ, и чего не достаетъ въ насъ самихъ: рускій духъ. Мы указали выше на причины, удалившія насъ отъ своего языка, на обстоятельства, заставившія насъ кинуться безъ оглядки на языки западные: теперь пора оглянуться, захватить съ собою покинутый за недосугомъ запасъ, и съ нимъ уже отправиться въ дальнѣйшій путь.

Никакое знанье иноземныхъ языковъ не можетъ замѣнить знанье своего: связь между разумною жизнью чловѣка и выраженьемъ этой жизни, то есть, словесною речью, крайне близка и тѣсна; у чловѣка можетъ быть одинъ только родной языкъ, на которомъ онъ думаетъ, мыслить, рассуждаетъ самъ съ собою; коль скоро же онъ расплывается мыслями на чужихъ языкахъ и начинаетъ думать не на своемъ, то онъ забываетъ его, и въ тоже время начинаетъ терять болѣе глубокія умственныя способности; умъ его пошлѣетъ и становится болѣе поверхностнымъ. Мы должны учиться языкамъ, это для насъ необходимо, но еще важнѣе для насъ изучать основательно свой языкъ, чтобы, онѣмечившись, не онѣмѣть. Многіе рускіе затрудняются бесѣдовать въ обществѣ на родномъ языкѣ своемъ, а большая часть ученыхъ съ трудомъ пишутъ поруски, не доискиваясь словъ и оборотовъ.

Молодому поколѣнью предстоитъ много дѣла, по всѣмъ частямъ нашего возрождающагося государства, а въ томъ

числѣ и по языку, безъ котораго никакому народу жить и процвѣтать умственно нельзя.

В. ДАЛЬ.
